

Проблемно-поисковая судебно-следственная ситуация: понятие и криминалистическое значение

С. Э. Воронин¹, С. М. Кузнецова²

¹ Сибирский институт бизнеса, управления и психологии
(Красноярск, Россия)

² Барнаульский юридический институт МВД России
(Барнаул, Россия)

Problem-Search Forensic Investigatory Situation: the Concept and Meaning of Forensic

S. E. Voronin¹, S. M. Kuznetsova²

¹ Siberian Institute of Business, Management and Psychology
(Krasnoyarsk, Russia)

² Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
(Barnaul, Russia)

В статье исследуются проблемные вопросы, связанные с настоятельной потребностью преодоления информационной неопределенности по уголовному делу поисково-познавательными средствами судьи и необходимостью исследования судебно-следственной ситуации.

На основе проведенного анализа обосновывается необходимость введения в понятийный аппарат криминалистики категории «проблемно-поисковая судебно-следственная ситуация», под которой следует понимать наиболее психологизированный вид следственной ситуации, порожденной мыслительной деятельностью судьи (судей), протекающей в информационном поле, ограниченном, с одной стороны, материалами предварительного расследования, с другой — жестко регламентированной процедурой исследования доказательств в судебном заседании и принятия решения по существу дела.

Делается вывод о выделении двух этапов проблемно-поисковой судебно-следственной ситуации:

1. Постановка основной проблемы по уголовному делу — преодоления информационной неопределенности.

2. Поиск решения проблемы, в который следует включать поисково-познавательные средства судьи (приемы судебной тактики) и судебно-криминалистическое прогнозирование.

Ключевые слова: проблемно-поисковая судебно-следственная ситуация, судебное следствие, судебно-криминалистическое прогнозирование.

The article examines the issues connected with the urgent need to overcome the uncertainty of information in a criminal case by the judge's search and cognitive means and the necessity to research the forensic-investigative situation. The conducted analysis substantiates the need to include into the conceptual apparatus of criminology the category of «problem-search forensic investigative situation» which is understood as the most mentalizing kind of investigative situation generated by the judges' (judge's) mental activity flowing in the information field, limited, on the one hand, by the materials of the preliminary investigation; on the other, by regimented procedure of the evidence examining in the hearing and decision on the merits.

The conclusion is made about the allocation of the two phases of problem-search forensic investigative situation:

1. Statement of the main problem in the criminal case means to overcome the uncertainty of information.

2. The search of a problem solution, which should include search and cognitive means of judges (judicial tactics techniques) and forensic forecasting.

Key words: problem-search forensic investigative situation, the judicial investigation, forensic forecasting.

Следственной ситуации, в том числе и такой ее классификационной ветви, как проблемно-поисковая следственная ситуация, в объективной представленности, т. е. без человека, не существует — она обязательно предполагает наличие субъекта, познающего ее. Указанное специфическое свойство следственной ситуации позволяет в научно-практических целях последовательно рассматривать ее для следователя, оперативного работника, эксперта, специалиста, прокурора и судьи. Ситуационный анализ практики раскрытия и расследования преступлений показывает, что поисково-познавательная деятельность каждого из этих субъектов, хотя и преследует общую цель — установление истины по уголовному делу, — может развиваться в различных направлениях.

Например, даже само понятие «раскрытие преступления» оценивается следователем, оперативным работником, прокурором и судьей по-разному. «С точки зрения оперативно-розыскных служб преступление раскрыто, когда установлены основания для привлечения лица к участию в уголовном деле в качестве подозреваемого или обвиняемого. Следователь считает преступление раскрытым, сочтя собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения. Прокурор, если разделяет взгляд следователя, направляет дело в суд. Судебное признание преступления раскрытым выражается обвинительным приговором» [1, с. 85]. Для каждого из перечисленных выше субъектов познания существует своя мера информационной неопределенности по уголовному делу, которая обуславливает генезис и динамику развития проблемно-поисковой следственной ситуации соответственно для следователя, оперативного работника, прокурора и судьи.

Проблема преодоления информационной неопределенности является основной постановочной проблемой в раскрытии и расследовании преступлений, решение которой, по нашему мнению, и составляет суть разрешения любой проблемно-поисковой следственной ситуации. Проблемы познания являются объектом исследования многих наук, в том числе юридических, что и определяет в конечном итоге наблюдающийся в последние годы процесс интеграции научных знаний. Не обошел стороной этот процесс и ту часть уголовного судопроизводства, которая касается проблем судебного разбирательства. По сути, судебное разбирательство — это лишь частный случай познавательной деятельности человека, что успешно позволяет исследовать его методами различных, в том числе неюридических, наук. Об этом свидетельствуют и последние теоретические разработки.

Так, В. М. Бозров предпринял в целом удачную попытку исследовать ситуации, возникающие в практике военных судов, с позиции этиологии и психиатрии [2, с. 40–45].

В. А. Пищальникова, используя методы психолингвистики, исследует психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных [3, с. 72].

Интерес ученых, работающих в самых различных областях знания, к проблемам судебного разбирательства возник не случайно и объясняется рядом причин.

В результате судебного-правовой реформы российский судья стал полноправным познающим субъектом не только на судебных стадиях, но и в досудебном производстве, осуществляя функцию судебного контроля за предварительным расследованием.

Если уровень разработанности вопросов теории следственных ситуаций применительно к проблемам экспертологии, теории оперативно-розыскной деятельности и следственной деятельности достаточно высок, то по проблемам судебного разбирательства только намечаются пути исследования. Исходным концептуальным положением на пути такого исследования, по нашему мнению, должно являться то, что следственная ситуация для следователя и оперативного работника имеет такую же гносеологическую сущность, что и следственная ситуация для судьи. Уточним, что сама этимология слова «следственная» имеет корень «след», а не «следователь», а значит, в суде возникают точно такие же проблемы исследования следов преступления, что и на предварительном следствии, только с различной степенью информационной неопределенности [4, с. 232–234].

Проблема преодоления информационной неопределенности по уголовному делу поисково-познавательными средствами судьи актуализирует необходимость исследования судебного-следственной ситуации.

Анализ существующих в юридической литературе точек зрения на понятие судебного-следственной ситуации обнаруживает экстраполяцию основных концептуальных подходов к определению следственной ситуации вообще на данную классификационную ветвь.

Так, В. К. Гавло, подчеркивая объективный характер судебного-следственной ситуации и используя системный подход, понимает под ней «...складывающуюся в ходе судебного следствия обстановку, характеризующуюся наличием у суда установленных на предварительном следствии и в суде доказательств события преступления и виновности лица, его совершившего, условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия в целях установления истины по делу» [5, с. 14].

Применяя широко используемый в криминалистике модельный подход, судебно-следственную ситуацию определяют и как динамическую информационно-поисковую модель, заключенную в процессуальную форму и детерминированную, с объективной стороны, характером сложившейся

ситуации предварительного расследования и поведением участников судебного процесса, с субъективной стороны — мыслительной деятельностью судьи по проверке и оценке доказательств.

Приведенные выше определения, отражая различные аспекты одного и того же криминалистического явления, безусловно, имеют право на существование. Очевидно другое — путем простой экстраполяции криминалистических понятий без учета специфики поисково-познавательной деятельности в суде невозможно исследовать гносеологию внутреннего убеждения судьи, решающего познавательные проблемы в судебном разбирательстве; природу судебной ошибки и механизм трансформации экспертной и оперативно-разыскной ситуации в судебную и т. д. Между тем, полагаем, такое исследование выходит на более высокий теоретический уровень путем введения в понятийный аппарат криминалистики категории «проблемно-поисковая судебно-следственная ситуация» (ППССС), под которой, следует понимать **наиболее психологизированный вид следственной ситуации, порожденной мыслительной деятельностью судьи (судей), протекающей в информационном поле, ограниченном, с одной стороны, материалами предварительного расследования, с другой — жестко регламентированной процедурой исследования доказательств в судебном заседании и принятия решения по существу дела.**

В структуре ППССС, полагаем, необходимо выделять два этапа:

1. Постановка основной проблемы по уголовному делу — преодоления информационной неопределенности.
2. Поиск решения проблемы, в который следует включать поисково-познавательные средства судьи (приемы судебной тактики) и судебно-криминалистическое прогнозирование.

Раскрывая природу поисково-познавательной деятельности судьи, необходимо определить, что следует понимать под термином «приемы судебной тактики».

Проблема роли и места тактики судебного следствия в понятийном аппарате криминалистики инициировала дискуссию в научной литературе, которая продолжается и до настоящего времени. Так, отдельные авторы вообще отрицают тактику судебного следствия, аргументируя это тем, что «потребность разработки криминалистикой вопросов судебного следствия никем и ничем не доказана и выглядит неким навязыванием того, что практике не требуется. А заслуживающие внимания вопросы планирования судебного следствия являются предметом изучения процессуальной науки» [6, с. 6; 7, с. 27; 8, с. 25].

Другие ученые, позиция которых получила наибольшее признание в научной литературе, говорят

о необходимости включения в предмет криминалистики такого элемента, как тактика судебного следствия, отмечая, что «дальнейшее развитие криминалистической науки и судебной практики показало — ее рекомендации с успехом могут применяться и в процессе судебного следствия» [9, с. 280].

Не останавливаясь на узловых моментах этой научной дискуссии, отметим, что основной причиной расхождения мнений ученых по данной проблеме, на наш взгляд, является недостаточная разработанность учения о судебно-следственных ситуациях. Судебно-следственная ситуация, как категория, находящаяся в зоне пересечения предметов уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии, позволяет в едином блоке научных проблем рассматривать и уголовно-процессуальные вопросы доказывания в суде; и криминалистические вопросы тактики производства судебно-следственных действий; и психологические аспекты поисково-познавательной деятельности судьи. Это, в свою очередь, как справедливо отмечает Т.С. Волчецкая, позволит наконец «подвести черту в дискуссии о целесообразности включения в предмет криминалистики судебного следствия» [10, с. 280].

В качестве одного из приемов судебной тактики, на наш взгляд, выступает судебная версия. Она должна включаться в содержание второго (поискового) этапа судебной ППСС и направлена на решение основной проблемы — преодоления информационной неопределенности по уголовному делу. Между тем применение версионного метода в судебном разбирательстве имеет свои особенности, связанные со спецификой познавательной деятельности в суде.

Так, познавательная деятельность судьи при отправлении правосудия тесно переплетается с конструктивной (т. е. деятельностью по принятию решений), так что отделять ее можно только теоретически. И хотя ситуации в суде так или иначе корреспондируют с ситуациями преступления, это, по сути, вторичная реконструкция события преступления, так как все мыслительные операции в судебном разбирательстве осуществляются на основе производной, вторичной модели прошлого события. Поэтому, если следователь имеет дело с первоначальной моделью расследуемого события преступления, то судья — с «моделью модели», где в качестве «заместителя оригинала» выступают не факты преступления и следовая картина, а модель преступления, построенная следователем. Иначе говоря, познание судьи всегда носит опосредствованный характер, что накладывает отпечаток на всю поисково-познавательную деятельность в суде. Отсюда — производный, вторичный характер и судебных версий по отношению к следственным версиям.

Несмотря на то, что судебная версия носит производный характер, это вовсе не означает, что она является точной копией следственной версии. Напротив,

сложная гносеология внутреннего убеждения судьи, детерминированная необходимостью принятия ответственного решения по делу, заставляет судью испытывать выводы предварительного следствия «на прочность» выдвигая контрверсии. При этом судья должен оценивать эти выводы как версию обвинения, что обязывает его выдвинуть собственное, противоположное по своей направленности предположение.

Контрверсия не имеет фактической базы, абстрактна и образуется не свойственным для подлинных версий путем — операцией логического отрицания версии обвинения (убийство совершено Н. — версия обвинения; убийство совершено не Н. — контрверсия).

От контрверсий, которые по своей природе являются одновременно версиями планирования и ретросказательными версиями, на наш взгляд, существенно отличаются предсказательные версии — это версии так называемого судебно-криминалистического прогнозирования. Они по своей гносеологической сущности значительно отличаются от контрверсий, так как направлены не столько на анализ ситуации преступления, сколько на оценку будущего судебного решения. При этом необходимо учитывать, что судебно-криминалистическое прогнозирование имеет ряд особенностей, позволяющих отличать его от иных видов криминалистического прогнозирования.

По нашему мнению, следует различать два вида судебно-криминалистического прогнозирования — стратегическое и тактическое.

Стратегическое прогнозирование охватывает собой не только познавательную, но и конструктивную деятельность судьи. Это выражается в том, что он оценивает судебную перспективу рассматриваемого им уголовного дела, сопоставляя его с аналогом из прошлого судебского опыта. Соответственно прогнозируются различные варианты пересмотра в апелляционной и кассационной судебных инстанциях.

Тактическое прогнозирование, в отличие от стратегического, направлено на выявление возможных следственных ошибок и предупреждение судебных ошибок.

Природу внутреннего убеждения судьи, на наш взгляд, следует рассматривать именно с позиции стратегического прогнозирования. К сожалению, действующий УПК РФ отказался от категории «внутреннее убеждение судьи», заменив ее на весьма абстрактное понятие «судейского усмотрения».

Требование оценки доказательств по внутреннему убеждению заставляет судью критически относиться ко всему происходящему в ходе судебного разбирательства, что позволяет в структуре судебной ППС выделить вторую постановочную проблему — избирательности восприятия судьи. Оно отличается от восприятия других участников уголовного судопроизводства рядом особенностей:

Во-первых, суд (судья) чаще всего анализирует только информацию, которая была отражена в материалах уголовного дела.

Во-вторых, познавательных возможностей у судьи вследствие его ограниченности во времени и тактических средствах значительно меньше, чем у следователя.

В-третьих, судья исследует в судебном разбирательстве только те доказательства, которые ему будут необходимы в конструктивной деятельности — для вынесения приговора по делу. Селекция собранной на предварительном следствии информации производится судьей именно под этим углом зрения.

В-четвертых, скорости информационных потоков, воспринимаемых судьей, различаются в зависимости от вида и состава суда.

Значительно большая, в отличие от ситуации, когда дело рассматривается судьей единолично, избирательность восприятия судьи наблюдается в суде присяжных. Требования ст. 15 УПК РФ предписывают судье быть беспристрастным арбитром между равными сторонами, суд не обязан собирать доказательства по собственной инициативе. Такая несколько отстраненная позиция судьи актуализирует проблему избирательности восприятия присяжных заседателей, которые оценивают ситуацию на основе своего жизненного опыта, а в ряде случаев — и эмоций, то есть иначе, чем профессиональные судьи.

Дело в том, что присяжные заседатели часто подсознательно проецируют поведение подсудимого и потерпевшего на свое собственное. Мысленно ставя себя на место подсудимого или потерпевшего, присяжные заседатели тем самым уже избирательно воспринимают поступающую к ним информацию, что должно быть учтено судьей при оценке вердикта и того эмоционального фона в судебном заседании, который сопровождал процесс его вынесения.

Избирательность восприятия судьи, по нашему мнению, должна включать в себя оценку восприятия всех участников судебного процесса: обвинителя, защитника, гражданского истца, гражданского ответчика и других. Это и составляет специфику познавательной и конструктивной деятельности в суде.

Процессуальные функции участников судебного разбирательства обуславливают их ролевое поведение в судебном разбирательстве и избирательность их восприятия при исследовании доказательств.

Так, гражданский истец в своей поисково-познавательной деятельности избирательно воспринимает в ходе судебного разбирательства только ту информацию, которая относится к предмету заявленного им иска. Обвинитель акцентирует свое внимание на исследовании обвинительных доказательств, защитник — оправдательных. Специалист — только на тех узловых моментах, которые требуют от него в суде специальных знаний.

Задача судьи состоит в том, чтобы имеющимися в его распоряжении поисково-познавательными средствами преодолеть избирательность восприятия всех

участников судебного разбирательства, объективно оценив доказательства с точки зрения их достаточности для вынесения справедливого приговора.

Библиографический список

1. Ларин А.М. Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. — 1999. — № 4.
2. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1999.
3. Пищальникова В.А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. — Барнаул, 1998.
4. Гавло В.К. Метод криминалистической детализации преступного события и его роль в расследовании преступлений // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. — Томск, 1987.
5. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учебное пособие. — Барнаул : Изд-во БЮИ МВД РФ, 2000.
6. Кобликов А.С. К разработке нового уголовно-процессуального законодательства // Соц. законность. — 1989. — № 12.
7. Тихонов А. О процессуальной безопасности свидетеля и потерпевшего // Российская юстиция. — 1993. — № 20.
8. Ворожцов С. Обеспечение процессуальной безопасности потерпевшего и свидетеля // Российская юстиция. — 1996. — № 11.
9. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе. — М., 1999.
10. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова; Калинингр. ун-т. — Калининград, 1997.